

Черт бы побрал этих малолетних придурков! Сорен Морель потрянул головой, пытаясь прогнать дремоту. Низкая волна, бившая в скулу «Ориона», укачивала, точно садовый гамак. Темные очки лишь усиливали сонливость, но снять их он не мог: море бликовало тысячами зеркал, выставленных против пожелавшего заглянуть в его глубины пришельца. Судно двигалось по заданному курсу на автопилоте, и Сорену оставалось лишь наблюдать за экраном сонара. «Рыбка» эхолота летела над самым дном, на глубине около сорока метров, передавая в рубку изображение унылого пейзажа песчаной подводной пустыни, который не оживляли ни косяки селетки, ни скалы, ни обломки кораблекрушений. Пусто. Он бы давно свернул экспедицию и взял курс на Стокгольм, но продолжал прочесывать выбранный квадрат из упрямства, только бы не признаваться самому себе в проигрыше. Он представлял, как об него вытрут ноги газеты. Хорошо, если дело ограничится крошечной ядовитой заметкой в «Экспрессен» или «Афтонбладет» с подзаголовком типа «Известный морской исследователь Сорен Морель, соратник знаменитого Андерса Франзена, стал жертвой розыгрыша учеников пятого класса средней школы поселка Рунстен». Но ведь могут подключиться и серьезные издания, а то и телевидение сделает сюжет по подсказке врагов — их у него хватает. Подсуеются, к примеру, прыткие ребята-аквалангисты, поднявшие груз коньяка с потопленного в 1916 году немецкого транспорта «Бремен», —

Сорен судится ними уже второй год, ведь «Бремен», как и три десятка других судов, принадлежит его Фонду Балтийского наследия, купившему старинных «утопленников» за гроши у страховых компаний, — и пойдут СМИ полоскать «авантюриста, расходующего деньги спонсоров на сомнительные цели».

Как он мог купиться на приманку! Почему, вместо того чтобы разоблачить грубую подделку, он ласкал ее затуманенным взором влюбленного подростка?

Всему виной мечта, которой Сорен жил уже лет тридцать: найти белоснежный «Юпитер», самый большой в XVI веке корабль на Балтике, и вырваться наконец-то из тени друга и учителя Андерса Франзена. Конечно, заслуженные лавры у того, кто разыскал на дне знаменитый шведский военный корабль «Ваза», никто не отберет, но Сорен, найди он «Юпитер», мог встать с Андерсом рядом. Ведь что бы он ни делал все эти годы — а экспедиции, которые проводил его фонд, в общей сложности принесли науке ничуть не меньше, чем сделал давно ушедший из жизни Франзен, — о нем упорно писали и говорили лишь как «о товарище Франзена». Сколько раз за эти годы перед глазами Сорена вставала одна и та же картина: окруженный врагами гигант с пробитыми ядрами парусами, утыканный абордажными крючьями, вдруг окутывается облаком взрыва и медленно, с развевающимися вымпелами и флагами, идет на дно. Сорен так часто думал об этой битве, что, как ему казалось, чувствовал зов затонувшего корабля. Множество раз он прочесывал дно возле восточного побережья Эланды в районе предполагаемого места сражения шведов с датско-любекским флотом 31 мая 1564 года, объезжал островных рыбаков, расспрашивая их, не цеплялись ли их тралы за какие-либо препятствия на дне, но «Юпитер» всякий раз ускользал от него. Море подбрасывало что угодно, от затонувших современных яхт до самолетов, сбитых во время Второй мировой войны (однажды попался даже смытый за борт и вросший в песок контейнер с велосипедами), не было лишь обломков черного мореного дуба и бронзовых пушек, которые могли навести на след «Юпитера». Когда Сорен прочитал в эланд-

ском «Барометре» заметку о двух школьниках, нашедших на колокольне реставрируемой церкви в местечке Гэрдслеса выбитую на камне стрелу, он не сомневался ни минуты: сама судьба подала ему знак! Дети обнаружили стрелу под обвалившимся куском штукатурки в мае (как раз в том месяце, когда погиб «Юпитер»!). Это не могло быть простым совпадением. Сорен уже на следующий день после публикации прилетел в Боргхольм, а оттуда на взятой напрокат машине прикатил в Гэрдслеса. Руководитель реставрационных работ оказался в отъезде, отбыл на научную конференцию в Лунд, поэтому пришлось довольствоваться «экспертным» заключением бригадира строителей. Вместе они поднялись по лесам к вершине колокольни.

В глыбе серого природного камня, из которого была сложена выстроенная еще в XIII веке церковь, четко проступала нацарапанная вертикальная стрела размером в поллоктя. Прежде ее скрывал слой отвалившейся штукатурки, наложенной еще в XVIII веке. Собственно, вся церковь была в пятнах отставших кусков извести, поэтому ее и одели лесами, собираясь отреставрировать.

— Этот пласт отвалился ночью сам по себе, обычное дело, — пояснил бригадир, — рабочие сбивают штукатурку, повсюду трещины. Ребятышки забрались на леса в субботу, когда на площадке никого не было. Рисковали, конечно. Но ставка сторожа бюджетом не предусмотрена, а забор вокруг площадки сами видите какой. Одно название.

Сорен, впрочем, пропускал пояснения мимо ушей. Его взгляд был устремлен в море, туда, куда показывала стрела. Значит, Любекская хроника не просто пересказывала старую легенду. Он помнил эти слова наизусть: «Господь покарал шведов за гордыню, взяв у них «Юпитер», длина которого была так велика, что на десять футов превышала высоту собора Святого Петра в Любеке. Ценностей на нем было на многие сотни тысяч далеров, но ни шведы, ни мы, ни датчане не смогли потом найти место гибели «Юпитера», как ни старались. Говорят, что на стене церкви на Эланде шведы выбили стрелу, указывающую направление, в котором, как видели с берега местные жители, случился

взрыв. Произошел он в полутора тысячах фамнов, если считать от церкви. Однако правда то или нет, неизвестно».

Хроника не уточняла, о какой из десятков церквей, которые располагались на восточном берегу Эланда, шла речь. Большинство из них сгорели или были полностью перестроены в последующие столетия. Сорен еще в конце 70-х осмотрел шесть выходящих на море храмов, которые пощадило время, но не нашел никаких знаков на их стенах. Повезло не ему, а школьникам.

Два дня, руководствуясь «перстом судьбы», протянутым из XVI века, он прочесывал прибрежные воды там, куда летела стрела на стене. Участок находился в 2670-2743 метрах от берега — в зависимости от того, какой фамн имел в виду неизвестный источник Любекской хроники, шведский, короткий, или английский, длинный. Однако улов был нулевым. Утром третьего дня, когда он уже собирался отчалить от деревянного причала в заливчике возле Капельдудена, где стояли несколько моторок местных жителей и пара яхт столичных путешественников, и расширить квадрат поисков, раздался звонок мобильного. Говорил его старый приятель, редактор «Барометра» Стефан Шьостранд. Голос его звучал виновато:

— Слушай, тут такое дело... Детишки нам подсунули «утку». Захотели прославиться и сами эту стрелу выбили. У них вчера в классе конфликт на почве раздела лавров случился, все и раскрылось. Мне только сейчас сообщили. Придется сегодня в номер ставить опровержение.

Несмотря ни на что, Сорен все же вывел «Орион» в море. Действовал он поначалу скорее по инерции. Трудно было сразу смириться с мыслью, что «Юпитер», который, казалось, вот-вот будет у него в руках, вновь растаял в дымке прошлого, точно и не было его никогда в действительности, а имелся мираж, сотканный воспаленным воображением охотника. Близилось отпускное время, новостей никаких, и Сорен Морель прекрасно представлял себе дальнейшее развитие событий. Стокгольмские газеты, которые в другой период, может, и пропустили бы событие местного значения, на этот раз как-нибудь да откликнутся на розыгрыш, жертвой которого стал

«друг знаменитого Франзена». Нет, немедленно сворачивать поиски и брать курс на север он просто не мог. Нужно было найти хоть что-нибудь, чтобы иметь возможность сказать: «В историю со стрелой я и сам не слишком верил, но почему бы не проверить заодно? Главная цель экспедиции состояла в...» Ну, а дальше все зависит от того, что покажет эхолот.

— Сорен, кофе будешь? — в рубку поднялась жена. На руках у нее съежилась и скулила левретка. — Может, сменишь курс? Тоби тошнит от бортовой качки. Теперь-то уже все равно, куда плыть.

Дети давным-давно выросли, и Сара участвовала во всех экспедициях мужа, превратив бывший немецкий буксир в подобие их уютного домика в Сольне. Стены кают-компания обросли семейными фотографиями, стол покрывала вязаная льняная скатерть, у иллюминатора, схваченный бронзовым обручем, устроился горшок с фиалкой. Сара побоялась оставить хилое растение, с трудом пережившее зиму, на попечение соседей. Поначалу Сорен боролся с попытками жены превратить «Орион» в сухопутное гнездышко, но вскоре понял бесполезность своих усилий. Сара была хорошим матросом, даже в дизеле разбиралась, а кроме того, за сорок лет совместной жизни Сорен так привык к ней, что не мыслил себе заменить ее в море чужаком. Разве попросишь мужика помассировать тебе спину, разве пожалуешься, что опять прихватил геморрой?

— Не расстраивайся, — Сара подошла сзади и свободной рукой мягко обвила его шею. — В конце концов, в истории было много ошибок, которые приводили к большим победам. Вон, тот же Колумб... Искал Индию, а открыл Америку.

— Где она, наша Америка? — Сорен обреченно ткнул в экран монитора, куда выводилось изображение с парившей над дном сонарной «рыбки». — Видишь, сплошной песок. Только верблюдов не хватает.

— Что ты на него так злишься? Однажды он тебе здорово помог, — рассудительно заметила Сара. — Вспомни, если бы не песок, то не ты, а эти ребята из «Марин Эксплорер» нашли бы «Красного дракона».

— Там глубины были меньше. Метров двадцать. Волны свободно перемещали «барханы» на дне, — заметил Сорен. Напоминание о «Красном драконе», как всегда, подняло его настроение. Сара знала, как вернуть ему боевой дух. — Но все же ты права. «Юпитер» взорвался, как и «Дракон», а значит, целого остова нет, только отдельные бревна, остатки обшивки, пушки. Слой песка может все это покрывать десятилетиями, а потом, после шторма, рраз — и открылась коробочка. Да, мы тогда «Марин Эксплорер» хорошую пиллюю вставили. Ведь они над «Драконом» несколько раз проходили и даже с их-то оборудованием ничего не нашли. Песок тогда принял нашу сторону.

— Вот видишь, — подхватила Сара. — Уж если мы все равно здесь, давай попробуем пройти один из квадратов с глубинами до тридцати метров, вот здесь хотя бы. — Она показала на очерченное синим карандашом пространство на карте с многочисленными пометками. — У тебя ведь есть три свидетельства современников, что «Юпитер» взорвался тут. К тому же идти туда около часа, качка будет килевая, и Тоби придет в себя.

Сорен еще раз окинул взглядом карту, которую знал наизусть. За многие годы поисков он локализовал два десятка возможных районов гибели «Юпитера», отталкиваясь от дневниковых и летописных свидетельств, показаний рыбаков, тралы которых зацепились за что-то на дне, и собственных предположений.

Квадрат, предложенный Сарой, он никогда не обследовал, доверившись военным. Впрочем, все может быть. Песок и тут мог сыграть шутку.

— Они же там все перевернули в 36-м году, когда искали упавший самолет. Сонаров, конечно, у них тогда не было, но десяток кораблей с тралами — это тоже кое-что. Самолет ведь нашли, — не слишком уверенно возразил Сорен.

Внутренне он уже согласился с доводами жены: надо идти на один из участков с малыми глубинами, пусть и проверенный однажды. Слой песка в этих местах достигает двадцати метров, движущиеся подводные горы способны спрятать что угодно.

Вот только куда направить «Орион»? Туда, где он сам побывал однажды, или «в детскую песочницу», где все было просеяно военными? Решение подсказал деликатно поскуливавший на руках жены Тоби. Пусть хотя бы одному члену экипажа новый курс принесет радость! Сорен пожалел седого пса, уже двенадцать лет мужественно выдерживавшего приговор: судьба отдала его в руки хозяев, имевших странную привычку выгуливать питомца не по дорожкам возле дома, а по морской зыби. Штурвал слегка повернулся вправо — на квадрат, условно обозначенный как «упавший самолет, 1936». Болтанка сразу уменьшилась.

На новом участке поиска все повторилось. Блики, зыбь, подводная пустыня. Берега не было видно даже в бинокль с восьмикратным увеличением. А ведь любекский пастор Эразмус Штольц с парусника «Гавриил», команда которого участвовала в абордаже «Юпитера», писал в своем дневнике: «Гордый шведский корабль, своими немислимыми размерами бросивший вызов самому Господу, окутался черным облаком взрыва, и в небо, точно запущенная стрела, улетела его фок-мачта. С того места, откуда я наблюдал за гибелью этого Голиафа, был виден шпиль церкви на острове Эланд, что невольно навело меня на мысли о знаке Господа нашего, покаравшего шведов за несправедливую и жестокую войну, начатую ими».

Восьмой разворот. «Орион», точно трактор, вспахивающий плугом поле, двинулся по новой полосе. Когда-то такие многочасовые унылые прочесывания дна, составляющие основную часть работы исследователя, занятого поисками затонувших кораблей, навсегда перечеркнули мечты Сорена о создании «династии». Ни сын, ни дочка, несколько раз побывавшие в семейных экспедициях, не вдохновились занятием родителей. Эрик стал физиком и уехал в Штаты, а Анна выучилась на дизайнера и перебралась в Лулео, поближе к саамам, традиции которых вдохновляли ее на создание коллекций одежды.

— Стоп машина! Мальй назад! Стоп! — крикнул Сорен в переговорную латунную трубку: старый «Орион», построенный в 20-е годы, еще сохранил, несмотря на переобору-

дование, отдельные архаичные элементы конструкции, которыми капитан и его матрос очень гордились.

Машина «Ориона» отработала задний ход, вернув судно туда, где «рыбка» вывела на экран странную вытянутую тень на дне, не похожую на остов затонувшего судна.

— Корпус самолета, но без крыльев? — предположила Сара, поднимаясь в рубку из трюма. Она неплохо разбиралась в сонарных изображениях, но подобных еще не встречала. — Крылья могли отвалиться при ударе о воду, но длина тени слишком велика, метров двадцать. Это не может быть наш «Юнкерс», который военные искали в 36-м, тем более что они утверждают, будто его подняли.

— Похоже на гражданский лайнер, но в этом квадрате после войны самолеты не падали, — Сорен сменил изображение на экране с черно-белого на цветное, увеличил его, развернул.

Тень на дне, без признаков надстроек, несмотря на все проведенные с ней манипуляции, понятнее не становилась.

— Придется нырнуть. Не волнуйся, тут всего 26 метров, ерунда даже для такого старикашки, как я, — Сорен сполз с насиженного шкиперского кресла на вращающейся тумбе, направляясь к трапу, ведущему вниз. Там, в отгороженном закутке кают-компания, хранились акваланги.

— Нет! — Сара, несмотря на полноту, проявила удивительное проворство, успев перегородить ему путь. — У тебя давление, тебе уже 62 года. Забыл, что врач сказал: нырять только с внуками в бассейне, не глубже семи метров.

— Внуков у нас еще нет, так что приговор ошибочный, — попытался отшутиться Сорен, однако увидев, что жена настроена решительно и не намерена расцеплять руки, которыми она обхватила поручни трапа, взял ее за талию и потянул на кожаный диванчик, стоявший в рубке.

— Сара, сядь, давай обсудим ситуацию.

Жена, убедившись, что опасность временно миновала, последовала за Сореном, готовясь обрушить на него десятки железных аргументов, доказывавших дикость его намерения пойти на глубину.

— Жenuшка, ты знаешь, что я тридцать лет ищу «Юптер». Когда ты поплыла со мной сейчас, ты разве не думала,

что, найди мы его, я непременно отправлюсь посмотреть на чудо, которое мне снится по ночам? Ты что, надеялась, что я утешусь сонарным снимком, а потом приглашу кого-нибудь из молодых, чтобы он первым дотронулся до моей мечты? Ты сейчас скажешь, что лавры первооткрывателя у меня никто не отнимет, так я тебе отвечу: это ошибка, которую я с детства зарекаюсь повторять. Помнишь, я тебе рассказывал: отец мне привез из Англии спиннинг, тогда они в Швеции были еще в диковинку, и я поймал им здоровенную щуку — летним полднем, совсем рядом с пляжем, где было полно народу? И приятель, Свен, увидев добычу, прямо извел меня: «Дай хоть что-нибудь понести, или спиннинг, или щуку». Я прикинул: у кого инструмент промысла, тем более такой великолепный, тот и герой. И вручил ему рыбу. Только когда мы пришли на пляж, я понял, как ошибся. Герой тот, у кого добыча. Все внимание было приковано к Свену, а я при нем оказался вроде оруженосца. Я не хочу снова стать оруженосцем. Я должен сам держать свой улов.

— К чему ты это рассказываешь? — Сара, терпеливо выслушав монолог супруга, теперь не скрывала раздражения. — Объект на дне не может быть «Юпитером», ты это сам прекрасно знаешь.

— Значит, на «Юпитер» ты бы меняпустила?

— Да ты ж его не нашел, о чем говорить!

— Вот, я воспринимаю эти слова как частичное признание. Значит, при определенных обстоятельствах ты бы не возражала, если бы я надел акваланг. Ну, Сара, глубина же ерундовая. К тому же, ты сама знаешь, нам нужен результат. Там что-то интересное. Одно погружение, я обещаю. Я сделаю видеосъемку, и нам будет чем заткнуть рот газетам. Ведь речь идет о сохранении нашего фонда!

Сара, вместо того чтобы выстрелить очередную возмущенную тираду, без сил опустилась на кожаный диван. В рубке стало слышно, как тихонько похрапывает Тоби, который по-стариковски задремывал в любое время дня. Сорен опять провел ее. К тому же, он прав — возвращаться с Эланды, имея на руках один сонарный снимок неизвестно чего, невозможно. В Стокгольме их сожрут.

— Хорошо. Пообещай, что не больше двадцати минут, — выдавила из себя Сара.

Чего лукавить, она поняла, что Сорен будет нырять, уже в тот момент, когда они грузили на борт акваланги, отправляясь к Эланду.

— Знаешь, если бы там был «Юпитер», я бы согласился нырнуть с баллонами, заполненными вонью с нашей кухни, когда у тебя на Рождество сгорел в духовке свиной окорок, — вынув загубник изо рта, прокричал Сорен. Он был счастлив, словно мальчишка, которому удалось сбежать с уроков.

Сара лишь махнула ему рукой, сказать что-нибудь язвительное в ответ у нее не было сил. Она кляла себя, что уступила и согласилась с доводами мужа. Надо было ей стравить газовую смесь из баллонов, и будь что будет!

Всплеск — и Сорен спиной вперед бултыхнулся в воду, провожаемой двумя парами глаз: встревоженными — Сары и любопытными — Тоби. Песик знал по опыту, что хозяин обязательно достанет ему со дна какую-нибудь штуку, чтобы он мог порычать на нее, а потом покорить, ухватив зубами.

Видимость для Балтики была превосходной, не менее десяти метров. Зеленоватую воду пронизывали солнечные лучи. Сорен опускался по буйрепу, сброшенному с якорем с «Ориона». Сердце колотилось сильнее обычного. Настроение было превосходным, все земные неприятности остались там, наверху. Это были мгновения предвкушения встречи с неизвестным, составлявшие главный смысл его жизни. Если уж суждено когда-то умереть, то лучше внезапно и в один из таких моментов.

Внизу открылось песчаное дно, изборожденное легкой рябью: работа волн, достававших в шторм эту глубину. Впереди и правее на дне темнела какая-то масса. Сорен, оставив лить, поплыл к «тени самолета», как они с Сарой окрестили сонарное изображение. Но это был не самолет. Перед глазами выросла подводная лодка, глубоко, почти до самой рубки ушедшая носом в песок. Из-за этого она и казалась на снимке небольшим объектом почти самолетной

длины. Субмарина воткнулась в дно под углом примерно в тридцать градусов. Проплыв вдоль ее корпуса, Сорен добрался до бронзовых лопастей двух винтов, с которых свисали, точно куски савана, обрывки рыбацких тралов. Немецкая, русская, английская? Подплыв к кормовому орудию, он очистил рукой в толстой перчатке казенную часть от водорослей и донных отложений. В ярком свете фонаря отчетливо обозначилось клеймо: серп и молот, звездочка. Лодка «заговорила». А вот и продолжение истории русской субмарины. Рубку украшало обозначение, изготовленное из какого-то металла: «С 28». Сорен провел перчаткой по одному из приваренных знаков примерно метровой высоты, металл заблестел. Скорее всего, латунь. В отличие от некоторых знакомых ему шведских дайверов, Сорен специально не занимался охотой за затонувшими субмаринами, его интересовали три столетия расцвета парусного флота, с XVI века по XVIII: большие военные корабли, украшенные богатой резьбой и вооруженные бронзовыми и чугунными пушками, которые сами по себе представляли произведения искусства. В своей любви к позднему Средневековью и великолепным галеонам он был солидарен с Андерсом Франzenом, полагавшим, что «пировать» морской археолог может, лишь окунувшись в эту эпоху. Все остальное — лишь «закуска», и то на любителя. Тем не менее Сорен считал делом профессиональной чести держать в голове все известные районы гибели на Балтике значительных судов любых эпох, от ганзейских коггов до сухогрузов послевоенного времени. Подводные лодки входили в этот список. Ни одной из них в его «архиве под черепной коробкой» не значилось. Он взглянул на светящийся циферблат часов: двадцать минут на дне. Сара уже волнуется, да и в затылке стала подниматься пульсирующая боль. Врач был прав, с глубиной пора попрощаться. Сорен решил в последний раз пройти вдоль лодки, на этот раз у другого ее борта, наклоненного ко дну. Проплывая над палубой, он обнаружил открытый кормовой люк, который, словно разъятая пасть глубоководного чудовища, терпеливо ждал свою жертву. Нет, ловушка, ищи другого дурака! Протиснуться внутрь можно лишь

сняв акваланг, это приключение для сумасшедших. В корпусе под рубкой, с правой ее стороны, где обозначений не было, зиял прямоугольный вырез. Взрыв мины, сорвавший лист обшивки внешнего корпуса? Подплыв ближе, Сорен пристально рассмотрел странную рану на теле субмарины. Вот это да! Похоже, кто-то поработал автогенем. Ровный проем был значительно меньше, а вернее уже расстояния между шпангоутами, к которым крепились листы. Взрывная волна теоретически могла оторвать кусок стали только по периметру его крепления, в самых слабых местах. Дверь, вырезанная подводной сваркой, вела в командирскую каюту. Заплыть внутрь, однако, можно было, опять же, только избавившись от акваланга. Из темноты торчали рваные куски перевитых стальных труб.

Двадцать пять минут на дне. Все, пора. Уже собравшись всплывать, он увидел, как что-то блеснуло при свете фонаря в куче песка, намытого возле самого проема. Лихорадочно работая руками, Сорен разгреб холмик, потянул. Это была буква «С», отвалившаяся от рубки, и цифра «2». В образовавшейся яме торчал еще один кусок металла овальной формы, легко вышедший из своего мягкого убежища. На этот раз добычей стала цифра «8». Сорен повел видеокамерой, снимая всю панораму: рубку, верхняя часть которой рельефно обрисовывалась в светлых, пронизанных солнцем слоях воды, загадочный вырез в корпусе и, наконец, обозначения «С», «2» и «8», которые он рядышком положил на песке.

Потом, повинувшись мгновенному импульсу, он схватил тяжелую восьмерку и лишь тогда, вместе с этим доказательством уникальности своей находки, приступил к подъему. Конечно, брать что-то с «территории зарубежного государства», каковой считался военный корабль, было запрещено, но обозначения лежали рядом с остовом, а значит, формально он не провинился. Главное, необходимо было отвлечь Сару от его собственного преступления: как-никак на дне он пробыл целых полчаса. Но женщины любопытны, и предъявление металлической цифры могло спасти от хорошей семейной ссоры.

Скандал все же состоялся, правда, в отложенном режиме. Сорен еле взобрался на подъемник, опущенный с кормы.

— Там подлодка, русская, — едва сумел выдать он, грохнув на палубу восьмерку, показавшуюся ему свинцовой.

Его тошнило, голова раскалывалась. Сара помогла мужу раздеться, уложила его на кожаный диван в кают-компании, заставила проглотить таблетку и на час оставила в покое. Лишь убедившись, что прямая опасность здоровью «безумного эгоиста» не угрожает, она выпустила по нему весь заряд эмоций.

— Ты хоть понимаешь, до чего ужасны были эти полчаса, когда я уже думала, что стала вдовой?

— Сара, ты никогда не дружила ни с логикой, ни с математикой. Ты могла строить планы на веселое вдовство только десять минут. Ведь на двадцать минут отсутствия мы с тобой договаривались, — рассмеялся Сорен, которого, несмотря на мелькнувшую перед ним тень костлявой, не покидало хорошее настроение: теперь он знал, как оправдать эландскую экспедицию и завербовать на свою сторону газетчиков.

— Возможно, у меня плохо и с тем и с другим. А вот ты вдруг почему-то перестал дружить с законом. У тебя что, есть разрешение Кальмарского губернского управления на подъем артефактов с военного корабля, являющегося собственностью России? Ведь ты лучше моего знаешь, сколько людей только и ждут, чтобы дискредитировать тебя, — сухо напомнила Сара.

— Ладно, не злись! Я виноват, прошу прощения. А что касается закона, то, если повезет, мы сейчас запустим небольшую машину времени.

Сорен набрал номер на мобильнике и бодро прокричал в трубку:

— Лейф, привет, старина. Тебя что, Лиза по ошибке засунула в барабан стиральной машины вместе с зеленым свитером, который ты никогда не снимаешь? Такой грохот, будто уже включен режим центрифуги... А-а-а, понятно! Я бы и сам не прочь сейчас мчаться в кабриолете с открытым верхом по автобану к оливковым рощам Италии...

Не прекращая болтать, Сорен перешел на корму, чтобы Сара не вступала в разговор и не мешала ему плести интригу. Минут через двадцать он вернулся и торжествующе сообщил:

— Я всегда подозревал, что Фортуна — девушка привязчивая. Стоит ее однажды уговорить, и она от тебя не отстанет. Губернский антиквар обкатывает свой новый «Мерседес» на его родине в Баварии и в данный момент направляется с женой в Италию. У него третий день отпуска и прекрасное настроение. Он мне дал устное разрешение на подъем металлического объекта в форме цифры восемь с неизвестной субмарины для проведения обследования, которое может помочь в ее идентификации. Вернется — оформит документально. Так что я сейчас нырну, чтобы выполнить предписание властей.

Сорен сделал вид, будто направляется к аквалангу, Сара испуганно вскрикнула, схватив его за рукав. Потом сообразила, что он ее дразнит, и шлепнула «мальчишку» по затылку:

— Все, хватит мне нервы трепать. Будем считать, что твоя машина времени сработала. Давай, капитан, бери курс на Стокгольм.

«Орион» уже третий час бодро бежал на восток, к своему престижному причалу на Статсгордене (его выбил у городских властей незадолго до своей кончины сам Андерс Франзен), когда затонувшая русская подлодка дала Сорену Морелю новую пищу для размышлений.

Сара, осторожно постукивая молотком, выбила распиривший внутреннюю часть верхнего овала «восьмерки» продолговатый предмет, обросший донными отложениями и водорослями. В серо-зеленом коконе наслоений пряталась ложка с выгравированными на черенке инициалами «М» и «Г».

— Похоже, это начальные буквы имени и фамилии кого-то из членов экипажа, — предположил Сорен, разглядывая находку жены. — Если повезет, мы сейчас узнаем, кто это может быть.

В судовой библиотечке «Ориона» среди десятков книг по морской тематике, в основном справочников, имелись

и русские. Одну из них, «Экипажи боевых кораблей КБФ 1941-1945 г. г. Часть третья», озаглавленную «Моряки-подводники», Сорен и принялся листать. В молодости он отслужил срочную в Упсальской школе военных переводчиков, и после года муштры, когда на шведском было запрещено не только разговаривать, но даже думать, довольно неплохо выучил язык вероятного противника. Сейчас, спустя более четырех десятков лет, в голове кое-что осталось, чтобы понимать тексты на русском и поддерживать простейший разговор, особенно если он велся в форме вопроса. «Если вы согласитесь с нами сотрудничать, вам будет сохранена жизнь», — этой фразой, произнесенной почти без акцента, он еще месяц назад едва не обратил в бегство в аэропорту «Арланда» группу русских коллег, приехавших в Стокгольм на конференцию по морской археологии.

В разделе «Экипажи средних подводных лодок» «С-28» присутствовала, но вот человека с инициалами М. Г. в списке ее команды не оказалось. Сама «эска» значилась не вернувшейся из боевого похода в августе 1942 года. Согласно книге ей была поставлена задача по постановке мин в Ирбенском проливе. Почему она пересекла Балтику и оказалась у Эланды, неизвестно.

Заинтригованный Сорен отправил за штурвал Сару, а сам принялся страница за страницей листать справочник, заполненный таблицами со списками личного состава подводных лодок КБФ. Краснофлотец с инициалами М. Г. обнаружился на другой «эске», значившейся под номером «27»: старшина-моторист Максим Григорьев 1915 г.р.

«С-27», как и «С-28», вышла из Ленинграда в августе 1942 года с заданием действовать на коммуникациях противника в Аландском море. На базу лодка не вернулась.

Когда Сорен поднялся в рубку и сообщил жене о результатах своих изысканий, та лишь пожала плечами:

— Что тут удивительного? Война. Людей наверняка часто переводили с корабля на корабль, нужно было замечать больных, раненых, убитых. Сомневаюсь, чтобы все это тщательно документировалось, особенно у русских. У них и в мирное время отчетность никуда не годится. Сам сто раз

жаловался, когда мы с ними совместную экспедицию в Выборгском заливе проводили.

— Там небрежностей с документами как раз не было, парни занимались очень продуманными приписками. Забыла, чем мы склад на берегу оплачивали? Излишками дизтоплива, — вскинулся Сорен.

Впрочем, он был вынужден признать правоту жены. Действительно, загадка ложки, скорее всего, объяснялась вполне прозаическими причинами.

— Ладно, возьмем ее себе в коллекцию и никому не скажем. Все равно у нас разрешение на подъем только цифры восемь и ничего больше, — определился Сорен.

В целом капитан «Ориона» был законопослушным человеком и много лет вел борьбу в СМИ с подводными грабителями, тащившими с затонувших кораблей все, что представляло хоть какую-то ценность, но самому себе не мог отказать в маленькой слабости: он окружил себя недорогими и не представлявшими исторической ценности столовыми приборами, предметами, напоминавшими о многочисленных экспедициях прошлых лет. Кофе он заливал в алюминиевый кофейник с оттиском орла со свастикой в когтях (память о найденном немецком эсминце, подорвавшемся в 1941 году на mine возле острова Сааремаа), а ел с белой фарфоровой тарелки с клеймом Rorstrand, обнаруженной на камбузе шведского рудовоза, затонувшего в шторм в 1890 году в Ботническом заливе.

2

В Стокгольме поначалу все пошло так, как Сорен и предполагал. Пресс-релизы и снимки подлодки, посланные в газеты и на телевидение еще с борта «Ориона», сделали свое дело. Никто не упомянул о фальшивой стрелке на стене старой церкви. Солидные дневные газеты сдержанно изложили историю успешной экспедиции «известного исследователя и соратника Андерса Франзена» по поиску возле Эланда со-

ветской подлодки, о которой ему стало известно благодаря «обширным контактам в России и индикациям местных рыбаков». Как водится, статьи сопровождались комментариями историков и отставных военных, напоминавших читателям о попытках советских подводных лодок в годы последней войны остановить перевозки железной руды из Швеции в Германию. Вечерние таблоиды дали мало текста и много иллюстраций. Содержательная часть была построена с перевесом на современность, причем использовалась та же «колода экспертов», что и в случае с дневными изданиями. Тут комментаторы сосредоточились на послевоенных вторжениях советских подводных лодок в территориальные воды Швеции, что выглядело не слишком логично, но было правильно с точки зрения возбуждения интереса широкой публики, которую больше волнует сегодняшний день, чем дремучая история.

Казалось, все сошло благополучно. Удар был нанесен тогда, когда Сорен уже записал Эландскую экспедицию себе в плюс. Через две недели после возвращения в Стокгольм его пригласили на телевидение поучаствовать в круглом столе о проблемах морской археологии на Балтике. Сначала все катилось как по рельсам, дело ограничивалось общей дискуссией, в которой молодая беременная ведущая, ранее специализировавшаяся на развлекательных реалити-шоу, изо всех сил пыталась утвердиться в новой для себя роли серьезного журналиста. «Давай, девочка, старайся! Ведь тебе еще не скоро снова по пальмам в “Робинзоне” лазить», — поощрительно думал Сорен, вполуха слушая унылое токование «кабинетного дайвера» Вильгельма Торнквиста, только что получившего профессорскую кафедру в Седернторской высшей школе. Его интересовало, что делает в студии третий участник программы, коммендор Леннарт Линдبلاد, скромно перелистывавший последнюю монографию Торнквиста об особенностях конструкции североевропейских каравелл конца XVI века, которую тот притащил на телевидение с тщеславным намерением сдвинуть продажи своего занудства с мертвой точки.

Присутствие представителя ВМС объяснилось, когда ведущая перешла к проблеме «частного спонсорства в исслед-

довательской работе, заставляющего уважаемых ученых любой ценой стремиться к яркому успеху».

— Ваша организация финансируется главным образом за счет пожертвований компаний и отдельных лиц, причем доля частных спонсоров постоянно растет, — наставила ведущая свои имиджевые очки (ранее ни в «Робинзоне», ни в «Гладиаторах» Сорен ее в очках не видел) на главу Фонда Балтийского наследия. — Непрофессионалы, дающие деньги, зачастую не могут правильно оценить научную ценность той или иной работы. Они лишь пожмут плечами, взяв в руки, к примеру, этот неброский с виду, но основательный и во многом революционный труд, — ведущая, потянувшись, приняла из рук военмора «Сравнительный анализ конструкций голландских и североевропейских каравелл XVI века» и показала его в камеру, — и охотно раскроют кошельки, если им пообещают найти, к примеру, «Юпитер», набитый золотом и скелетами. Не кажется ли вам, что исследователи, которые ищут всеобщего признания, вольно или невольно обедняют науку, делая из нее своего рода шоу для широких масс?

— Если руководствоваться вашей логикой, то все великие открытия совершили шоумены, будь то Белл со своим телефоном или братя Райт с аэропланом, поскольку они когда-то восхитили миллионы людей, — принялся терпеливо объяснять начавший раздражаться Сорен. Он старался не смотреть на ухмыляющегося «кабинетного червяка» Торнквиста, который явно заранее набил пустую голову спортсменки своими соображениями по поводу «настоящих ученых» и «авантюристов, выдающих себя за таких». — Если взять морскую археологию, то Андерс Франзен, не имея специального образования, сделал для науки больше, найдя «Вазу», чем десятки так называемых профессионалов, которые годами могут анализировать единственный шпангоут, принесенный им в кабинет в чистой упаковке с розовой ленточкой.

Торнквиста едва заметно передернуло. Обломок шпангоута в подарочной упаковке он лет десять назад получил в день рождения именно от Сорена Мореля, который тогда

покровительствовал молодому кабинетному ученому и пытался пробудить его к «настоящей жизни». С того момента Торнквист и возненавидел «паяца, не имеющего даже высшего образования».

— Что же касается «Юпитера», — продолжал Морель, — он может стать балтийской «Троей». Это был самый большой, самый красивый корабль на Балтике в XVI веке. Возможно, даже самый большой в мире. Только подумать, что это чудо создали в эпоху, когда еще не знали чертежей! Все делалось на глазок, мастер полагался лишь на опыт и интуицию. Модель корабля — это все, что имелось в его распоряжении. «Юпитер» был трехпалубным и при этом обладал прекрасными мореходными качествами, а ведь даже сто лет спустя трехпалубные корабли были редкостью. Вот тот же корабль начала XVII века, «Вазу», перестроили с двухпалубного в трехпалубный, и он перевернулся. Представляете, какую пищу для работы ученым самых разных направлений может дать «Юпитер»? — Сорен, как всегда, когда заговаривал о корабле своей мечты, вдохновлялся, невольно повышал голос, начинал жестикулировать. «Токовал», как шутливо характеризовала его состояние супруга Сара.

— Хорошо, хорошо, сдаюсь и готова тут же раскошелиться, присоединившись к числу ваших спонсоров, — подняла руки ведущая. — Вы умеете убеждать, и «Юпитер» действительно поражает воображение даже непосвященных людей. Прекрасный объект поисков для организации, финансирующейся на частные средства. Хотя, возможно, эти деньги могли бы пригодиться в более скромных, но не менее важных областях исследований. Не кажется ли вам, что одержимость «синей птицей» плюс желание удовлетворить наивных жертвователей может вскружить голову даже такому уважаемому исследователю, каким являетесь вы, лишив его возможности трезво оценивать ситуацию?

С этими словами ведущая извлекла из лежавшей перед ней папки газету «Барометр».

— Здесь у меня две статьи из местной эландской газеты, — интригуяще проворковала она в камеру. — В первой говорит-

ся о находке учеников местной школы. Почти под самым шпилем реставрируемой церкви они якобы обнаружили выбитую на камне стрелу. По некоторым историческим источникам, она указывает на место гибели «Юпитера». А вот это — другая заметка из той же газеты, появившаяся десять дней спустя. Это опровержение предыдущей информации. Стрела — розыгрыш ребятишек, жертвой которого стал наш сегодняшний гость Сорен Морель. Газета приносит ему извинения за то, что невольно стала причиной его бесполезной экспедиции к берегам Эlanda.

— Любому специалисту, в какой бы сфере он ни работал, приходится иногда вставать на дорогу, которая заканчивается тупиком, — терпеливо объяснил Сорен, который, хотя и не ожидал такого поворота разговора после своей удачи с подлодкой, в принципе был готов к нему. — Тем не менее я должен подчеркнуть, что не стал бы тратить средства многочисленных друзей нашего фонда, отправившись в дорогостоящую экспедицию лишь ради того, чтобы проверить очередную версию, связанную с «Юпитером». Не хотелось бы, чтобы после разговора в этой студии у аудитории сложилось превратное впечатление, будто здесь сидит седой мальчишка, одержимый одним-единственным кораблем. Вам, вероятно, известно, что мы нашли советскую подводную лодку. Ее обнаружение и являлось приоритетной задачей, которую мы выполнили.

В этот момент сидевший с отсутствующим видом коммендор подал признаки жизни, повернулся к ведущей и откашлялся.

— Еще минутку, Леннарт, — мягко остановила его ведущая и, заглянув в лежащую перед ней шпаргалку, продолжила разговор. — История с этой подлодкой, собственно, является еще одной иллюстрацией моей мысли о том, что научный поиск, рассчитанный на массовое признание и, соответственно, на получение обширного частного финансирования, выходит за допустимые этические рамки. Выбор субмарины в качестве объекта поисков сам по себе вызывает сомнения, учитывая, что этот тип кораблей привлекает в Швеции особенное внимание как СМИ, так и обществен-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru